

ВЯЧ. ШИШКОВ

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ◆ 1920

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.
Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Просп. 25 октября, д. 28.

	Цена. Р. К.		Цена. Р. К.
Адлер, Георг. Анархизм	10 —	Бытранский. Империализм	— 35
Адлер, Ф. Возрождение интернационала.	45 —	Его-же. Армия империализма и армия	
Ад-яни. Крестьянский вопрос во Фран-		революции. Война империалисти-	
ции. Разошлось	— 55	ческая и война революционная . .	2 —
Аленсеев и Варлен. Две речи	— 70	Его-же. Империалистическая Англия	
Азбуки, разрывные большие		против социалистической России .	— 40
тоже малые	— —	Его-же. Рабоче-крестьянская револю-	
Алтаев, А. и Феличе, А. В огне восстаний.	5 —	ция в России в оценке буржуазной	
Их-же. Атаман Степан Разин	10 —	публицистики	2 —
Ару. Мертвецы коммуны	— 45	Зандервальде. Социализм и искусство.	— 90
Его-же. Народная история Парижской		Ватин. Что такое коммуна? I и II изд.	— 20
Коммуны	10 —	Вейтлинг. Человечество, каково оно	
Артамонов. Земля родная. Стихотво-		есть и каким должно быть	— 85
рения	6 50	Величина, В. Борца за свободу Виль-	
Афиногенов (Стенной), И. Записки опол-		гельма Вейтлинга	1 —
ченца. Разошлось	1 25	Венок коммунаров. Сборн. памяти	
Банс. Парижская Коммуна	1 75	В. Володарского, с рисунками . . .	4 —
Барбюс. В огне. Дневник полужавода.		Водозовов, А. И. Гершен	5 —
Перев. Арденнина. 3-е изд.	30 —	Войнич, В. Овод. Роман. Пер. с англи-	
Басов-Верховицков. Венок. Сказки . . .	5 —	ского З. Венгеровой	4 50
Бebelь, А. Интеллигенция и социализм .	1 25	В-ил, Л. Угюлок немецкой оккупации .	— 50
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. I .	7 50	Володарский, В. Напутственная речь	
Его-же. Из моей жизни. Мемуары,		агитаторам. 3-е издание	— 50
т. II, ч. I	7 50	Его-же. Речи	15 —
Его-же. Христианство и социализм . .	— 50	*.* Враги-ли евреи рабочим и кре-	
Бедный, Демьян. Земля обетованная .	1 20	стьянам? I и II изд.	— 40
Его-же. В огненном кольце	1 50	Волковский. Сказание о царе Си-	
Его-же. Песни прошлого	3 50	меоне	1 25
Его-же. Сытый голодного не разум-		Вольенштейн. Как и почему возникла	
еет (басни).	4 50	великая французская революция	
Бессальо. Алмазы востока. Сказки с		1789 г.	5 50
иллюстрациями	8 —	Гайдебуров. Театральное дело вне-	
Беллами. Равенство	— —	школьника	10 —
Бельтов, В. (Г. В. Плеханов). К во-		Гауптман. Ткачи. Драма	3 —
просу о развитии монастического		Горьков, Э. Происхождение человека .	3 —
взгляда на историю	25 —	Геррон, Г. От революции к революц.	1 20
Бернштейн. Фердинанд Лассаль.		Гоголь, Н. Ночь перед Рождеством . .	8 —
Биограф. очерк	7 —	Гончаров. Полное собрание сочинений,	
Блоо, В. История франц. револ.	32 —	т. III	30 —
Богданов. Красная звезда	5 20	Горичев. Таблица исчисления зара-	
Его-же. Инженер Мэнни	7 —	ботной платы от 150 до 1.000 р. при	
Борисов, Г. Диктатура пролетариата . .	10 —	6 и 8 час. рабочем дне	5 —
Бранс. Долой социал-демократов	1 —	Горлов, Н. Темные силы, война и	
Браун, Лилли. Роман моей жизни. т. I .	30 —	погромы	— 40
Ее-же. т. II	30 —	Горький, Максим. Макар Чудра. С	
Брусинин. В борьбе за труд	3 —	иллюстр. В. Ходасевич	1 —
Бухарин. Программа коммунистов. I,		Его-же. Челкаш	1 50
II и III изд.	1 75	Его-же. Двадцать шесть и одна	5 —
Его-же. Долой международных разбой-		Его-же. Дед Архип и Леняка	1 10
ников. Разошлось	— 40	Его-же. Дело с застожками	3 —
Его-же. Классовая борьба и револю-		Его-же. На плотях	4 —
ция в России	1 80	Его-же. Мальва	1 60

Вяч. Шишков

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✪ 1920

СВАДЕТЕЛЬСТВО

М 941841

Фонд Красной Армии

ЧУЙСКИЕ БЫЛИ.

Эх, да как стегнула по Алтаю Чуя, священная река. Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах, Чуйские Альпы, земли надгробие. В них родится Чуя, священная река.

Сначала степью течет она, высокой, горной, Чуйской степью безжизненной: ни лесу здесь нет, ни сочных трав. Зато отсюда ближе небо, ярче звезды, чище, прозрачней воздух.

Вся степь, во времена минувшие, до самых горных маковок была водой залита: века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро каменные витязи, Чуйские Альпы, богатыри алтайские, плечо в плечо стояли каменной стеной.

Но не удозорили, не усмотрели: обмануло их озеро, убаюкала их зыбун волна, уснули крепко. А вода прорвала себе ход, проточила горы и хлынула.

Рокот пошел по Алтаю, земля затряслась, осыпались камни. Широко волна хлещет, опрокидывает скалы, грохочет и стонет, и мчится вдаль бешеным потоком.

Это Чуя, рожденная в снегах, горами плененная, вырвалась на волю и понеслась меж расступившихся в страхе Алтайских гор.

А озеро обсохло, и дно его превратилось в песчаную Чуйскую степь.

Так стародревняя быль говорит.

ЗЕРКАЛЬЦЕ.

Зеркальце, как зеркальце. Маленькое, круглое, цена ему—пятак.

Купец их с дюжину привез в степь.

Думает купец:

— Надо калмыкам продать, надо калмыков нагреть. Греха тут нету: калмык не человек,—зверь, и душа у него, как у пса, пар. Зверь и зверь.

Едет купец в гости к своему другу, калмыку Аргамая, которого не раз надувал.

Вечером приехал к огоньку. Аргамай в юрте сидит, толстый, сильный. Один у камелька сидит, баранью кость гложет и мурлычет песню о том, как он завтра на заре будет кочевать к снегам, где такие вкусные и сочные травы—сласть скоту.

— Эзень!—поздоровался купец.

— Эзень, эзень!—откликнулся Аргамай, всматриваясь в пришедшего.

— А-а-а... Эвон кто! Друг!..—радостно вскрикнул и уступил гостю свое место.

У костра засуетился,—огонь ярче вспыхнул,—пол-барана положил в котел, чай по-калмыцки готовить начал: с молоком, жареным ячменем и солью.

— Баб нету... Один больной, другой в гости укатил к отцу.

— Нет ли арачки?

— Бар, бар...—и подал в турсуке самодельную из молока водку.

Сидят, беседуют. Огонек весело горит. Арачка вкусная, теплая, по жилам загуляла, в мозг ударила, дала волю языку.

Калмык смеется и купец смеется, по плечу Аргамаю похлопывает, льстивые речи говорит:

— Ни у кого таких хороших коней нет, как у тебя. Самые лучшие быки у тебя. Самые жирные бараны у тебя. Ты богатый. Жена у тебя красивая.

Говорит, арачку пьет, баранину ест.

Аргамаю любо, слушает, смеется и, чтоб не остаться в долгу, говорит гостю:

— Ты самый хороший есть... Самый верный... Друг...

Вспомнил купец про зеркальце.

Думает:

«Надо подарить. Убыток небольшой—пятак».

Достал, показывает:

— На-ка, поглядишь.

Смотрит пристально. Приковало его зеркало.

— Это кто?

— Да ты...

— Как я?! Это шайтан!..

— Так ты...

Молчит, еще пристальней всматривается, недоверчиво на купца смотрит, говорит ему:

— Чего, врешь?! Нету!.. Шуба-то моя, а рожу сроду не видал, не знаю!..

Купец блаженно улыбается, а калмык от нетерпенья заерзал по войлоку, руки дрожат, крепко уцепились за волшебное стекло.

— Да ты надень шапку-то... Видишь?.. Ты!

Смотрит калмык—его шапка в зеркале, косу смотрит—его коса, с ленточкой, бородавка на носу его,— ущупал...

— Ха-ха-ха!.. Продай... Делай милость, продай!

А купец совсем обмяк, радость другу своему доставить хочет, говорит:

— Да я тебе его...

— Делай милость, продай... Сколь хочешь возьми!..

И вдруг купеческая душа к канаве покатилась...

— Нельзя...—чуть дрогнув голосом, сказал купец.

— Возьми быка... Ребятам, бабам казать буду...

Хаха-ха... Пусть смотрят рожам...

— Нет, нельзя...—твердо купец сказал и легонько зеркальце к себе тянет.

Аргамай не дает.

— Два быка, три быка!.. хороших!..

Душа купца в канаву лягнулась, захлюпалась в черной жиже.

— Что ты, я сам дорожке заплатил... В Москве добыл... Знаешь, слышал?

Чуть не плачет Аргамай, большой ребенок:

— Возьми четыре быка... Пожалуйста, возьми, друг!..

— Пойдем быков ловить, — жадно сказал купец.

Аргамай смеется плутовато, зеркальце подальше прячет, на купца с опаской смотрит, не продешевил ли тот, не отобрал бы...

Ласково ему говорит тонким своим голосом.

— Ты самый хороший есть... Самый верный... Друг...

Поздно ночью возвращался к себе в стан пьяный купец. И, выписывая в седле опьяневшим туловищем мыслете, весело вслух думал:

— Он на то и калмык, чтоб его учить... На то он и татарская лопатка...

II.

Ч А С Ы.

Жил-был ласковый торгаш с мышинными глазами. Он был такой хитрый, что любого шайтана мог трижды перехитрить.

Плут.

Приезжает к нему старый киргиз, Юсуп.

Посидел, покалякал, кой-что купил.

А торгаш только что свежий товар из города, из Руси получил.

— Купи часы...

Взял киргиз в руки часы, полюбовался ими, языком прищелкнул!

— Живой... Стукат...

— Купи!...

Вздыхнул Юсуп. Надо бы купить, не себе, а сыну, доброму джигиту. Эх, надо бы купить.

— Я бы купил... Денег нет... Вот будут, куплю...

Не любил Юсуп в долги залезать.

Водкой купец угостил его, целый стакан подал:

— Пей...

Магометанская вера строгая: водку запрещает пить. Однако Юсуп с хорошим человеком маленько выпить может, греха таить нечего.

А водка злая, крепкая, рот обожгла, веселым туманом обложила сердце.

Еще стакан подал.

— Пей, на здоровье...

Очень ласковый торгаш.

Прощался Юсуф, сел на своего верблюда, поехал...

Степью ехал. Тихо было в степи. Лишь кузнечики неумолчно в траве трещали. Небо бледное, в бледных звездах—белых лебедях. Из-за снеговых хребтов подымалась луна.

Едет старый Юсуф, улыбается, с верблюдом разговор ведет и, пьяненький, начинает напевать:

— Вот месяц смотрит... Алла-Алла... Круглый, зоркий, как глаз великого Аллаха... Светит мне, светит верблюду.

Дальше едет... Тихо в степи... Кто-то навстречу скачет... Свой...

Проскакал джигит. На ходу кричит что-то, но Юсуф не слышит. В небо глядит, месяцу слезящимися глазами подмигивает. Месяц щурится и ярче освещает степь.

Поет Юсуф:

— Месяц, месяц... Золотой мой месяц... Мне хорошо, я богатый... Я старый, как в реке черный камень... Вот куплю часы... Урус часы привез... Я их куплю... Часы, часы... Гей, часы... Живые...

И он громко рассмеялся.

И зароились в его голове серебряные мысли, как те круглые, маленькие блестящие часы, которые он видел у торгового. Их много, не пять, не десять, много. Он все их купит, все часы купит, он всем раздарит. Старой своей жене, средней жене, своей молодой жене... Сыну, джигиту, трое часов повесит, себе целый десяток... Ха-ха... Пусть тикают, пусть вертят стрелками. Это больно хорошо... Он верблюду часы подарит, он быку подарит... Пусть и бык при часах ходит... Хе-хе...

Вдруг слышит: застонала степь. Дробный топот по степи звучит, отчетливый и быстрый. То кони скачут, **бьют** копытом землю, гудит земля.

«Ага, свои...» — думает Юсуп.

Весело Юсупу. Огоньком вино по жилам бродит.

— Остановиться надо. Потолковать надо...

Нагоняют. Купец. С ним люди...

— У меня, друг, часы пропали... Которые ты в руках держал...

Пропали, так пропали... Ха-ха... Эка штука. При чем же тут Юсуп.

— Я не брал... — говорит он, улыбаясь старым своим бронзовым лицом. — Пусть Аллах меня с коня столкнет, когда я над пропастью поеду... Я не брал...

Ласково торгош отвечает:

— Да мы знаем, что не брал. Вот я с понятными еду, всех обыскиваем... Вас много в лавке было...

— Ищи. Пожалуйста, ищи!..

Верблюду посохом по ногам слегка ударил, опустился верблюд на колени. Юсуп слез и с готовностью подошел к купцу, раскарячивая по-пьяному ноги. Глаза черные, лучистые открыто на купца глядят. Лицо добродушное, доверчивое, бороденка хохолком — дрожит.

— Пожалуйста, ищи... Не брал...

Стали обыскивать. Халат расстегнули... И вдруг...

— Ой, Алла, Алла!.. — За пазухой часы.

У киргиза глаза широкие, рот открылся, замер киргиз... И, схватившись за голову, закричал упавшим, рвущимся голосом:

— Вой, вой, вой!.. Не брал!..

Торгош на всю степь взревел:

— Ребята, вяжи!.. В тюрьму его!!

Вмиг месяц колесом по небу закрутился и упал, серебряными нитками осыпались звезды, небо почернело, всколыхнулась под ногами степь.

Бросился Юсуп на колени, скривил свой старый рот и заскулил жалобно. И не знал, не видел из-за

слез, куда ползти, кого молить, где торгаш, ласковый его друг:

— Ой, не надо тюрьма... Ради Бога, не делай... Ради Бога... Чего хочешь, проси...

Взял купец верблюда, велел пригнать на заре трех лучших игреневых жеребцов. И с честью возвратился во-свояси.

Ш.

ТА В Р О.

Купец Неправедный роду крестьянского, в молодости пастухом был, из Монголии гонял хозяину овец.

— Я умный,—хвастался он,—я богатым буду обязательно.

И верно. Разбогател—распыхался вскорости.

Народ говорил про него:

— У этого рука не дрогнет... Он крест сбросил, а совесть-то пяткой притоптал.

И задумал он в Кобдо ехать, там орудовать.

Приехал, лавочку открыл, руки загребущие расставил, хайло свое, рот щучий открыл широко.

Но рыба ловилась все мелкая,—видно чорт дремал—осетры к другим торговцам плыли, и ему стало завидно.

— Это что за дела,—как-то сказал он в Иркутске, в клубе, сидя в компании купцов,—вот кого ежели б по башке шкворнем съездить, да капиталом завладеть.

Купцы возмутились:—Негодяй!!—и немедленно спустили его с лестницы.

Но чорт пробудился, в купцову пасть икряного осетра загнал.

* * *

Почти в одно время с купцом Неправедным поселился в Кобдо тихий монгол Раптан, торговый человек. Он старик, ему восьмой десяток идет. У него три сына, два внука. Все вместе торгуют, одним живут домом.

Раптан старик хороший, норовит по правде торговать. Подружился он с Неправедным, в гости ходит, к себе принимает.

Неправедный тихоней прикинулся, ласково обращается с монголом и со всей его семьей. Дружба завязалась тесная.

Говорит как-то Раптан другу:

— У меня душа не на месте. Я из Китая удрал, кредиторам много должен. Как Большой Кулак бушевал в Китае, у меня три магазина разграбили. Я и удрал сюда. Вот расторговался.

Год за годом протекали, десять лет прошло. В дугу согнуло время старого монгола, плохо видеть стал, плохо слышать стал, и день, и ночь Богу молится, готовит себя к смерти.

А друга своего первого, русского купца Неправедного, не забывает: и у него гостит, и к себе часто зовет, угощает его, подарки делает: то коров пригонит, то бегунца саврасого подарит, то пришлет купеческой жене куска два китайской чесучи.

Живет старик спокойно, кредиторы потеряли его след, все пути к нему поросли бурьяном...

И вдруг—напасть... Из Китая беда идет, нищету тащит за собой на веревочке.

Пришел к старому Раптану монгол и говорит:

— Ой, Раптан, берегись. Тебя ищут, тебя завтра схватят, все возьмут: чиновник из Китая едет долг с тебя получать.

Раптан не сразу понял: и раз, и другой переспросил гонца. А как понял,—зашатался, на пол сел, в глазах песок, в груди льды идут.

— Я никому не должен. Я им был должен, трем купцам. Но у меня все разграбил Большой Кулак. Пусть с бунтарей ищут, пусть с правительства требуют. Я не должен.

И мрачный, опираясь на костыль, побрел к своему другу.

Пришел и тихим, старческим голосом говорит ему:

— Вот ты умный, все законы знаешь, все порядки знаешь... Ты добрый, ты—друг. Научи, что делать? Защити.

Еще что-то сказать хотел, но запрыгали губы, пропали все слова, слезы полились. Лицо застыло, потеряло жизнь. Слезы льются из запавших черных глаз, а лицо спокойно. Голова низко опущена.

Страшно сделалось купцу, жалость большая родилась в сердце.

Говорит купец:

— А очень просто... И ни черта не получают...

Поднял старик голову:

— А как, друг?

Купец по комнате похаживал, красную бороду утюжил и что-то обдумывал.

— У тебя сколько голов скота?

— Верблюдов сто, быков две тысячи, лошадей с лишним тысяча, овцам счету нет... Забыл...

Сел купец, цепочкой играет на толстом животе, на лбу пот выступил: жарко.

— А очень просто!..—крикнул он, хлопнув монгола по плечу,—слушай!—глаза пошли искрами.

Монгол рот разинул, благоговейно руки сложил: вот мудрость Божия полетит из уст купца.

— Сейчас же клади на весь свой скот мое тавро, мою мету. А на подмогу я приказчиков пошлю: к утру всё оборудуют.

— Так-так...—кивает головой монгол.

— И скажешь, что скот не твой, а мой...

— Так-так...

— А сколько у тебя товару?

— Тысяч на двести серебром.

— Скажи, что и товар не твой, а мой... Я завтра для отвода глаз и в лавку твою сяду... А ты мне вексель выдай на двести тысяч серебром... Понял?.. Так чиновник и уедет, не солоно хлебавши, поговорка у нас, русских, такая есть... А я тебе всё потом верну... Не сомневайся...

Старик встал, опираясь на костыль, низко, низко купцу поклонился:

— Мы тебе верим... Мы тебе верим, друг Ван Ваныч..

* *
* *

Прошло два дня томительных и длинных.

У стариков время быстро летит: день за днем, неделя за неделей, глядь и год прокатил.

Но эти два дня старому монголу показались вечностью.

Душа на чеку была, вся преображенная, насторожившаяся до предела: словно старик переходил по тонкой жердочке через пропасть, а жердочка гнется, вот-вот обломится... Ему и по земле то ходить горе, а тут приказано идти по тропинке выбкой.

Жутко старику.

И началась у него новая жизнь: вышел в поле, с пастухами своими живет, свой скот, меченый тавром купца, караулит.

А купец в его лавке сидит, торговлю ведет, ждет китайского, в очках, чиновника. Три хозяйских сына, вроде приказчиков, тут же в лавке, робкие, прихлопнутые горем, как капканом зайцы.

В полтретьем дне, хват! обломилась жердочка.

Охнул старый монгол, затрясся весь: как волк перед овцой, вырос перед ним в желтой кофте чиновник.

— Я знаю, ты Раптан, из-под Калгана, ты торговчий человек, большой должник... Ты богатый... Суд постъ новил взыскать с тебя долг...

Вдруг душа монгола выпрямилась, взмахнула крыльями.

Твердым голосом сказал монгол:

— Да, я Раптан, честный монгол, старик... Я был богат... Теперь я беден, как после стрижки овца.

— Что-о-о?—грозно протянул чиновник,—а это чье стадо?

— Это стадо хозяйское, русского купца... Поди, справься... Вот тавро его, иди смотри... Весь скот его... Я служу в пастухах...

Удивился чиновник, сухие губы зло кусает, очки сорвал, опять надел, кашлянул и сердито повернулся так быстро, что шелковая коса его больнохватила старого монгола по лицу.

Потом чиновник бегал в лавку, бегал в дом к купцу Неправедному.

И ничего не получил.

Купец на славу угостил его тремя шами, тремя кашами: рисовой кашей с маслом, рисовой кашей с миндальным молоком, рисовой кашей с черной ягодкой.

Три наливки поил самодельными, пахучими, прямо с погреба принесла сама хозяйка. Холодные наливки, а огоньком веселым окатили-обожгли китайское сердце. Китаец то плачет, то смеется. Ему жалко с русским купцом расстаться, уж очень он хороший человек, жаль, жаль... Плачет китаец, разливается, очки уронил, подымать стал—упал, лопнули очки... А то хотеть начнет.

Купец с ним по-монгольски прекрасно говорит, Раптана ругает:—«мошенник!»—его, купца русского, тоже нагрел этот старый плут Раптан, выдал вексель на двести тысяч серебром, а в лавке его и на сто тысяч товару нет.

Говорит так, вексель китаецу в нос сует, а сам смешливо кричит по-русски жене:

— Ожарь-ка, Мавра, этой образине собачью ногу...
Слопает.

Так ни с чем китаец и уехал.

* * *

Месяц прошел, другой прошел, прокатился год.

Купец всё время твердит Раптану:

— Ты ему не верь: он караулит... Они, китайцы, хитрые... Подкараулит да всё и отберет... Еще надо помедлить... Пока паси мое стадо, а я буду торговать...

— Это, друг, мое стадо...

— Ну ладно, там видно будет.

Но сыновья и внуки роптать начали:

— Иди, проси купца... Теперь ничего, опасности нет...
Поблаговари нашего друга, успокой, пусть о нас не заботится...

Надел старик свой новый синий шелковый халат, большие круглые очки надел, взял две ценных вазы, еще ларчик взял из слоновой кости, золотом и серебром его наполнил. Сына своего старшего захватил с собой.

Пошли.

И опять почудилось старому монголу, что он идет через пропасть по тонкой скользкой жердочке, а все небо закрыла желтая туча, и будто гром рокочет: «как дойдет Раптан до пропасти, гряну молнией и поражаю».

Говорит монгол сыну:

— Ох, что-то мне неможется... Возьми меня под руку—упаду.

Кой-как пришли.

Старик отдышался, и торжественно сказал купцу:

— Вот мы хотим благодарить нашего друга. Мы принесли тебе дары. Прими от нас наши дары, и да сохранил тебя Бог со всем домом твоим.

941841

АЛТАЙСКАЯ
Красная

И старикъ упал вместе с сыном купцу в ноги.

Принял купец дары, сказал:

— Спасибо...

Хозяйка унесла дары и заперла в кованный большущий сундук с тремя замками.

— Теперь, друг, позволь тебе напомнить о моем векселе. Ты забыл. Но это ничего, у тебя дел много, забыть легко. Вот мы просим тебя, верни...

Взвилась-вздыбилась купеческая мохнатая душа... Вылупил купец глаза, вобрал в грудь воздуха побольше и, ткнув в дверь пальцем, гаркнул:

— Вон!! Вон!! Все мое: и скот и лавка!! Вексель я протестовал... Все мое!! Вон!!

Часто-часто замигал старый монгол, торопливо попытался от своего друга, что-то хотел крикнуть, но видно пришел конец, взмахнул руками и грохнулся. Умер старик.

* * *

Осиротели дети и внуки Раптана.

То тот, то другой из них заходили к купцу Неправедному. Он их в дом уж не пускал, разговоры вел на крыльце.

— Мы, друг, думаем, что ты пошутил... Мы, друг, разорились. Нам нечего есть... У нас жены, дети, у нас старая мать... Пожалей.

Но купец и не думал жалеть: сердце его твердое.

Искали они правды—нет правды нигде. В суд подавали—нет в судах правды, консулу челом били—правды не нашли.

Последний край пришел: целой гурьбой, все до единого, ввалилось во двор семейство старика Раптана и подняли гам, как на отлете птицы: бабы воют, плачут ребята, мужчины стоят суровые и молча ждут.

Вышел купец.

Все зараз закричали:

— У тебя камень, а не сердце... У тебя змея в груди... Ограбил... Ограбил... Ограбил... Не уйдем отсюда... Убивай...

Купеческое сердце растаяло:

— Ну вот что, ребяташки... Мне вас жалко... Я вам работу дам... Кто помоложе, пусть мой стада пасет, жалованье положу хорошее... А вы трое будете у меня вроде возчиков: мой товар в Русь повезете.

Долго монголы плакали.

* * *

А купец в благоденствии до седых волос дожил. Денег не впроорот у него. Дела идут хорошо.

Он иногда любил похвастывать:

— У меня есть тридцать верблюдов. И ежели я все свои дела прикончу, всё обменяю на серебро—дык мне на своих верблюдах этого серебра не вывезти в Русь, не уместить... Вот как Бог помог мне, Царь небесный, Батюшка.

IV.

ЖИВЫЕ МЕШКИ.

Еще недавно город Кобдо китайским был. Китайцы большую торговлю вели с монголами, большие магазины имели в Кобдо. Русские тоже торговали.

И вдруг Монголия захотела от Китая отколоться, во всей своей воле пожить. Началась тогда великая брань: монголы стали китайцев колотить, разрушать Кобдо, жечь и грабить китайские товары.

Тяжелое настало для китайских купцов время.

К русским друзьям своим, к русским купцам обратились за помощью: купите наши товары за бесценок. Укройте нас.

Русские обрадовались.

Кровь рекой течет по улицам, дым клубится, раздаются вопли, гремят выстрелы,—ад сошел на землю.

А русским любо. Русский купец шире расправляет свой карман, черным вороном кричит, зорко высматривает падаль.

Как-то ночью, весь в слезах, весь в страхе, прибегает к русскому купцу китаец.

Пал пред ним на колени, у ног ползает, сапоги смазные целует и не может слова сказать, языка лишился.

Купец знает, в чем дело. Купец ласковый.

Это его друг, богатый китаец Чанбо, миллионщик.

Подымает его с полу, усаживает в кресло, воды принес, папироску предложил.

— Ты что, друг?..

Как грянет на улице пушка, как привскочит до потолка китайский купец, миллионщик Чанбо:

— Ой, друг... Пожалуйста, пойдём ко мне. Тебе Бог поможет... Спаси, умоляю...

— Идем,—сказал купец и тяжело вздохнул. Добрый был. Китайцы и монголы уважали его. Истово на образ перекрестился, крикнул жене:

— Благословляй!

Молодая жена в слезы.

— С нами Бог, — сказал купец и быстро вышел с китайцем Чанбо на улицу.

Жена за ними:

— Степа! Не ходи... Пусть Чанбо у нас сидит...

— Пошла к ляду, дура!...—зло купец отвечает ей:— торчи дома, карауль ребят... Нас не потрогают.

Чанбо по-русски маленько понимает: зыграла душа его, на купца, как на святого смотрит, в ноги ему бух, опять смазные сапоги целовать начал, купчихе кричит:

— Бабушка, бабушка!... Пасибо...

И оба побежали дальше.

Тьма была. Только справа стояло зарево от горевшей башни. Слышались отдельные выстрелы. Издали доносилось тысячеголосое гаденье китайских солдат:

— Много ваших войск-то?—прошептал купец.

— Много,—тихо ответил китаец.

— А чья возьмет?

— Пожалуй, нас перережут...

Китаец тащил купца за рукав. Во тьме наткнулись они на что-то и оба упали.

— Это наши убитые,—прошептал китаец, захныкал и что-то запричитал. А купец перекрестился. Опять пошли. Звуки крепки. В воздухе порохом пахло.

Навстречу попалась целая стая собак. Они выли, подлаивали, щелкали зубами, грызлись, невидимыми клубками катаясь по земле.

— Входи!—сказал китаец.

Они вошли в калитку глинобитной, выходявшей на улицу стены. Фанза китаец, склады и лавки стояли в глубине огромного двора.

Вдруг китаец остановился. Остановился и купец. Замерли. Кто-то хрипит во тьме.

Китаец ухнул, завопил:

— Зарезали... Брата зарезали...

Но нет!.. Знакомый слышится зов:

— Чанбо! Чанбо!.. Иди скорей!..

Бросился Чанбо своему юному брату на шею, а тот говорит цепенеющим от страха голосом:

— Двое врагов были... Мы с приказчиком отстреливались. Приказчика зарезали, ушли... Грозили вернуться... Я боюсь, Чанбо... Чу, как хрипит... Боюсь...

— Не бойся, — успокаивает купец, — при мне не имеют полного права тронуть...—говорит так, а сам тоже не может зуб на зуб попасть.

Все трое вошли в фанзу. Огонь зажгли.

— Со мной не потрогают... Нам русским монголы заявили: кто боится—уйди за город. Кто не боится—сиди на месте: русским никакого худа не будет.

И не успел сказать, как шум на улице послышался, загалдели люди, близко где-то затрещали выстрелы.

— Идут!!

Заметались братья, не знают, что делать, куда укрыться.

— Полезайте на всякий случай в лавку, заройтесь в товар.

Но там одним китаецам страшно.

— Тогда айда в мешки! Мешки пустые есть?

— Есть.

Два больших мешка живо притащили, сели в них, купец прочно завязал каждый мешок и поставил в угол.

— Сидите смирно, скажу, что это мои мешки с верблюжьей шерстью. Только ни гу-гу... Не шевельсь!..

А чорт уже возле купца орудует. Сердце купеческое своим хвостом щекочет.

«Нет, нет...»—зло отмахивается купец от навождения и крестится.

Рев все ближе. Рядом. Отдельные выкрики ясно слышатся.

Купец выбегает с фонарем на крыльцо:

— Эй, что надо?! — кричит ворвавшимся во двор монголам.

Тех много. Факелы в руках. Возбужденные, в зверей обратившиеся, пьяные кровью, бегут шумной ватагой к крыльцу.

— Что надо!? Стой!! — нарочно по-русски кричит купец.

Бегут к крыльцу, галдят, сверкают большими ножами, ружья наготове, дубины подняты.

— Ты русский?! — крикнул один из них, подбежав вплотную.

— А ты не видишь?—по-монгольски строго говорит купец. Растаял в сердце страх.

— Не видим... Темно... Где Чанбо?

— Нету.

— Врешь!

— Нет, не вру!!!—сердится купец.—Товар не смей поджигать: мой товар. Все купил я!.. Русский!.. Я!!!

Остановились.

— А то казаков кликну своих. Русских!.. Солдат!..

— Мы тебя не тронем... Товар твой не тронем... Мы китайцев режем... У нас война... Где Чанбо с братом?..

И хлынули в дом.

Купец за ними. Толпа пьяна кровью,—купец пьянеть начал. Толпа звериных дел жаждет—звереет сердце купца.

«Убей»...—чорт купцу шепчет...

Купец молчит, тяжело дышит. Лоб холодным потом покрылся, замирает сердце.

Толпа по закоулкам шнырит, в сундуки заглядывает, а на мешки внимание не обращает.

«Все твое»...—чорт купцу нашептывает.

— Мое!..

Не то крик вырвался, не то зарницей мысль стегнула в ошалелой голове купца.

«Война все простит, все покроет»...

Черный свой голос, задыхаясь, подает купец:

— Чанбо нет, брата его нет. Слышите?!

Обомлевшие китайцы, едва дыша, Богу молятся, русского друга прославляют мыслью и радуются последнею своею страшною радостью.

— Слышите?! Чанбо нет, брата его нет: они далеко убежали...

А сам мигнул монголам и предал китайцев твердым жестом недрогнувшей руки.

Два кривых ножа сверкнули, два ножа кровью обогрились. Отлетела с жалобой древняя китайская душа.

А купец?

Купец всю эту ночь, как ушли монголы, на верблюдах китайский товар к себе возил. Весь следующий день возил. Всю неделю возил.

Он молчал, ни с кем не говорил, толькой рукой указывал. Как кончил с товаром, пить стал.

V.

ГНУС.

Был купец, по прозвищу Гнус.

Лицом курносый, борода лопатой, глаза яблоками, на лоб вылезали, наглые. Корпусом толст, голос зычен: как гаркнет в поле—лошади шарахались в стороны.

А удаль была в нем степная, дикая: скакать бы ему на бешеном коне по полю, глушить бы проезжих с товарами ямщиков, чиновников, купцов.

Да так оно и было на самом деле.

Ведь, чорт его знает! Ведь горы золота нажил человек, а любил, бывало, пошалить темной ночью, с лихими киргизами, друзьями своими, побарантачить. Видно, кровь в сердце кипучая была.

Подобрал себе шайку отпетых—от них и киргизы-то отказались—и стал с ними по горам гулять.

Удали через край в Гнуса, а скупость сказочная.

Несколько лавок у него было. Весь округ был должен ему.

Долги собирал он натурою: возьмет он у калмыка телят двадцать за долг, за какие-нибудь двадцать кирпичей чаю, по рублю кирпич, да и скажет ему:

— Ты, друг, оставь телят-то у себя. Где их буду пасти, у меня земли нету.

Калмык пасет их год, и другой, и третий. А потерять или продать—не смеет: телята все купеческим, Гнуса, клеймом мечены.

На третий год присылает Гнус подручного и берет своих трехлетних быков.

А калмык по простоте душевной думает:

«Все верно, все так... Теленок был, Бог растил—
бык стал»...

Как-то монгол задолжал Гнусу целковый. Хорошую у него трубку купил. Монголу без трубки нельзя, как красавице без румян. Бедный монгол, неимущий.

Гнус сказал:

— Вернешь мне чрез год за целковый пять шкур сурка: процент на тебя накладываю.

Монгол с процентом очень хорошо знаком: монголы русскими обучены, процент вот где у них сидит, ради процента, чтобы его шайтан съел, все они, и бедные, и средние, по горло в долгах, в кабале вечной.

И случилось так, что у монгола не оказалось к концу года лишних шкур: на сторону продал, повинности справил, семью кормил в голодный год. Уплатил всего две шкуры.

— На будущий год уплатишь мне две овцы и три шкуры. Процент накладываю.

Монгол отлично понимает, что такое процент, тяжело вздохнул монгол, но делать нечего.

Вот и второй год кончается. Дела еще хуже идут. Одну овцу притащил.

— Теперь ты будешь должен мне годовалого бычка и пять овец. Теперь все дорого, доставка дорогая. Большой процент накладываю.

До пяти быков дошло дело, до пяти верблюдов. А каждый верблюд сотню рублей стоит.

И век бы сидеть в неоплатных долгах монголу, да догадался, умер. Процент сгубил молодца.

А и всего-то трубку купил, вещь малую.

Но были случаи и почернее.

* * *

Лихие молодцы—киргизы. Но и Гнус охулки на руку не положит.

Завел себе весь наряд киргизский, малахай бархатный с лисьей выпушкой сделал, чатпор березовый вырезал— такую палку с корневищем на конце, трахнешь по голове—череп, как арбуз спелый, разлетается! А конь у Гнуса—чорту брат: ветер ни по чем ему, что ветер! Стрелу певучую обогнать может.

Гнус атаманом стал.

И никто об этом не догадывался. Только ночь темная, да широкая степь, да горы знали. Да еще те, несчастные... Но те слова не вымолвят, немую жалобу с собой унесли в землю.

Надумал Гнус караван с серебром обогнать: серебра в Монголию идет много, в слитках, серебро там ценится.

Издали начал выслеживать Гнус, за границу проводил, в Монголию. Там степь, жилья нету, кричи сколько хочешь, плачь, умоляй—степь все выслушает скорбно, но защиты не даст.

Идет караван степью, и не чует беды. А беда по пятам крадется, жметя у гор, серая, как серый щербень-курум.

Идет караван ходко, но и солнце не дремлет, книзу катится, вот-вот сядет за сизые хребты. Караван торопится: в степи воды мало, надо у речки ночевать, а до речки добрых десять верст.

Как пал сумрак, говор речки послышался. И люди, и лошади обрадовались: отдых.

Не успели еще коней выпрячь—вихрем налетела шайка... Арканы в ход пошли, руки ямщикам вязать начали, конвойных смяли, много ли их, всего три человека. Один сопротивляться стал...

И быть бы злу великому, но кто-то помешал: то ли казаки из Кобдо в Кош-Агач почту везли, то ли знакомый купец ехал—гикнул Гнус, и вся его ватага умчалась в горы.

«Сорвалось», — сердито думает Гнус, губы себе в кровь искусал, коня взмылил и долго, ругаясь,

грозил кулаком золотому огоньку, что робко замигал у речки.

Этим дело не кончилось. Начальство узнало, кликнуло клич.

— Ребята! Кто желает разбойников ловить? Кто хочет получить награду? Шаг вперед!

Выискались двадцать пять казаков, двадцать пять отпетых голов.

Снарядились, поехали чуть свет в путь-дорогу, с казачкой песней, с бубнами.

Лихо кони мчат, лихо скачут: степь ровная, с гор прохладой веет.

К горам поехали казаки, в балку заглянули—пусто, в долину речки заглянули—нет следов, дальше поехали, песни не поются, смолкли бубны. Тихо едут, слова не проронят: как бы не спугнуть врага.

Вот и дню конец, а казаки еще и привала не делали, утомились, по сухарям соскучились, лошади похрапывают, корму просят.

Остановились на ночлег.

Гроза надвигалась. Сумрак наполнил степь, скрыл горы. Вдали безмолвно играла молния: вспыхнет там, где то за хребтами, потрепещется над вдруг всплывшими из мрака вершинами и тихо погаснет.

— Дождь будет,—сказали казаки и быстро палатки раскинули.

— Гроза идет,—сказали казаки, поужинали, чаю кирпичного напились и завалились спать.

Гроза надвигалась.

Две грозы надвигались на казаков. Светлая гроза, с молнией и ливнем. Черная гроза—Гнус, душа коварная.

Карауль, сторожевой казак, карауль!.. Черная гроза—оцасная.

Сторожевой казак Петр Байкалов боится небесной грозы, его громом в детстве еще оглушило. Стоит Бай-

калов, молитву шепчет, винтовку дрожащею рукою поглаживает, собирается старшего будить. А старший злой: Байкалов и его боится, и грозы боится, не знает, как быть.

Гроза надвигается быстро, ветерок впереди нее идет, разметает степную дорогу, вольную.

Байкалов к самой палатке подошел, а войти не смеет. На небо опасно смотрит, как бы оттуда стрелой громучей не пустили. Небо огнем кроется, вздрагивает казак, крестится:

— Свят, свят, свят.

Гром глухо стучит и рассыпается по горам горохом.

Тьма. Ветер травой шуршит, ветер палатку треплет, стал накрапывать дождь.

Тьма густая, предательская. И ничего-то в ней не видеть, ничего-то в ней не слышать: лишь сухая трава шуршит.

Эй, смотри, казак!.. Как блеснет молния — смотри.

Товарищи храпят, пуце всех старший храпит и, что-то во сне бормочет.

И чует казак: две грозы идут; вторую, черную, сердцем чувствует, защемило сердце тоской...

Крестится казак:

— Господи, спаси... Чего-то чижало...

В небе молния золотой веревочкой с краю в край стегнула, засияла степь, гром ударил близко...

Байкалав проверно залез в палатку и с головой шинелью закрылся.

Эх, казак, казак...

Шорохи по стени ползут, много шорохов...

То не дождь ли льет-поливает, не град ли барабанит по земле?

Нет, не дождь... Нет, не град...

Шорохи крепче, шорохи сильнее. Это смерть по равнине хлещет.

Две грозы грянули враз над казаками: гроза огненная грохотом все заполнила...

А черная гроза с лешевым гиком и посвистом мертвой лавой пронеслась: три тысячи бешеных коней во весь опор проскакали по спящим казацким телам.

Одну слякоть оставил от казаков Гнус, душа звериная.

Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!... Бурлит по крутому склону, вся седая, вся косматая, яро камни точит, грозит своим гневом человеку. Стой, Чуя, стой!.. Гляди: восход стал розовым... День идет, день идет, ночь кончилась... Еще не много—и твои волны запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные. Да не повторится прошлое, да не затмит оно грядущего дня. Эй, останови, Чуя, гнев свой, не точи яро камни, не кляни падших... Милости, Чуя, священная река, больше милости!

1913 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Чуйские были	3
I. Зергальце	5
II. Часы	8
III. Таврò	12
IV. Живые мешки	20
V. Гнус	25

COLLECTOR

	Цена. Р. К.		Цена. Р. К.
Горький, Максим. Коновалов	2 60	Зиновьев. За что борется красная армия.	2 75
Его-же. Тюрма	6 —	Его-же. Новые веяния нашей партии.	— —
Его-же. Проходимец	10 —	Его-же. Армия и народ.	— —
Его-же. Скури ради	1 40	Зиновьев, Г., и Ленин, Н. Против течения. 2-е изд.	10 —
Его-же. Васья Красный	2 50	Зиновьев, Г., и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речь, произнесенные на заседании Центр. Совета	2 —
Его-же. Кирилка	1 30	Ионов, Илья. Алое поле. Стихотворения. 2-е изд.	1 50
Его-же. О ереях	1 10	Интернационал и мировая война. Материалы, собранные Карлом Грюнбергом	60 —
Его-же. Как я учился	— 90	Калер, Э. В. Вейтлинг, его жизнь и учение Кампаналла, Томас. Государство солнца. Утопия	5 —
Его-же. Мое обращение	— 10	Карпинский, В. А. Мир или война	4 30
Его-же. Вездесущее	— 75	Катая, С. А. Террор буржуазии в Финляндии	— 15
Его-же. Емельян Пиляй	5 —	Каутский, К. Наука, жизнь и этика	3 50
Его-же. Хан и его сын. Старуха Изергиль	10 —	Его-же. К. Маркс и его историческое значение	— 30
Гра, Ф. Марсельцы	7 —	Его-же. Экономическое учение К. Маркса. 2-е изд.	1 25
Грайлих, Г. Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса	1 40	Его-же. Этика	3 50
Гусев. Теория пролетариата (научный социализм)	1 20	Его-же. На другой день после социальной революции	2 25
Гюи де-Мопассан. Два приятеля	— 75	Его-же. Классовые интересы	— 75
Декав. Фленго. Рассказ из времен Коммуны 1871 г.	— 25	Его-же. Карл Маркс. Биограф. очерк	— 40
Декреты о суде	1 50	Его-же. Томас Мор и его Утопия	— 45
Динштейн, С. Кто чем живет. С послесловием Плеханова	1 50	Его-же. Ирландия	12 —
Динген. Религия социал-демокр.	3 50	Его-же. Возникновение брака и семьи	1 40
Дюбрейль, Луи. Коммуна 1871 года	50 —	Его-же. Республика и социал-демократия во Франции	2 25
Жюрес. Мир и пролетариат	— 45	Его-же. Республика и социал-демократия во Франции	20 —
Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	— 30	Жерменцев. Как вести собрание	1 40
Зиновьев, Г. Корни оборончества	1 10	Кий. Что такое социализм?	1 10
Его-же. Наше положение и задачи создания красной армии	— 25	Его-же. Республика Советов. 4-е исправленное и дополненное изд.	— 40
Его-же. Австрия и война	1 80	Его-же. От крестьянской общины к социалистической коммуны	— 35
Его-же. Из истории пролетарского праздника 1 мая	— 30	Его-же. Сельская коммуна	— 40
Его-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле	— 45	Кирьястрия, Джордж. Война ради чего?	60 —
Его-же. Хлеб, мир и партии	— 70	Клюев, Н. Медный кит	2 40
Его-же. Рабочие партии и профессиональные союзы	2 25	Князев, В. Красные звоны и песни	2 50
Его-же. Речь о создании красной армии. 2-е изд.	— 25	Его-же. Красное Евангелие	1 20
Его-же. Социализм и война	1 10	Его-же. Песни красного звонаря	6 —
Его-же. Н. Ленин, жизнь и деятельность	2 —	Коллонтай. Работница-мать	— 35
Его-же. Письмо к крестьянам	— 50	Коммунистический Интернационал и трудящиеся всего мира. Да здравствует 1 мая.	1 —
Его-же. Слово к красноармейцам	— 40	Конюль. Коммуна 71 г.	6 —
Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс	— 35	Конституция Советской Республики	— 40
Его-же. Что делать в деревне	— 70	Королевич, Б. Е. Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны	— 35
Его-же. О мятеже левых эс-эров	— 60	Красный север, №№ 1 и 2, журн. иллюстр.	4 —
Его-же. Франц Меринг	— 30	Лазар, Бернар. Антисемитизм и революция	— 70
Его-же. Из истории нашей партии	1 10	Лаассал, Ф. Принципы труда в современном обществе	— 60
Его-же. Война и кризис социализма, т. II	15 —	Его-же. Дневник	6 75
Его-же. Задачи рабочей и крестьянской молодежи	— 90	Лафарг, П. Происхождение религиозных верований	— 60
Его-же. Работница, крестьянка и Советская власть	— 70		
Его-же. Интернационал молодежи и его задачи	4 —		
Его-же. Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец	— 70		
Его-же. Запад, восток и международный мир	4 50		

	Цена. Р. К.		Цена. Р. К.
Лафарг, П. Благотворительность и право на труд	— 60	Лурье, Крестьяне и рабочие в русской революции	2 —
Его-же. Миф о непорочном зачатии	— 35	Его-же. Состав пролетариата. 2-е изд. Любимов. Тактика, их боевые свойства и борьба с ними	— 65
Его-же. Буржуазия и наука	— 65	Люнесбург, Роза. Реформы или революция	3 —
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 75	Майская, Татьяна. Полустанки	9 —
Его-же. Труд и капитал	7 50	Маркс, К. Либералы у власти	3 50
Его-же. Патриотизм буржуазии	1 10	Его-же. Наемный труд и капитал	2 —
Его-же. Право на леность	1 10	Его-же. Заработная плата, цена и прибыль	1 40
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-ем Всероссийском Съезде Советов	— 25	Его-же. К еврейскому вопросу	— 85
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 40	Его-же. Речь о свободе торговли	3 75
Его-же. За 12 лет. Собрание статей	20 —	Его-же. Классовая борьба во Франции 48 г	1 50
Его-же. Пролетарская революция и ренегат Каутский	4 50	Его-же. Кельнский процесс коммунистов	7 50
Его-же. Главные задачи наших дней	— 65	Его-же. Критика Готской программы	7 —
Его-же. Уроки революции. 2-е изд.	— 40	Маркс, К., и Энгельс, Ф. О коммунизме	1 80
Его-же. Империализм, как новейший этап капитализма. (Попул. очерк)	4 40	Их-же. Манифест коммунистической партии	1 40
Его-же. Успехи и трудности Советской власти	2 20	Марклевский. Что такое политическая экономия	2 80
Либнехт, В. Два мира	1 60	Меринг, Франц. Карл Маркс, история его жизни	80 —
Его-же. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений	1 30	Меринг, Фр., и Лафарг, П. Фридрих Энгельс	1 40
Его-же. 1848 год и коммуна. Разошлось. Печатается 2-е издание	2 —	Мещеряков, В. Деревенская беднота и путь к социализму	— 40
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2 —	Мирбо, Жан и Мадлена. Драма	1 50
Его-же. К юбилею мартовской революции	3 80	Моррис, В. Вести ниоткуда. Утопия	8 50
Либнехт, Карл. Мой процесс. (По документам). С предисловием Зиновьева и портретом К. Либнехта	12 —	Мор, Т. Утопия	7 20
Лидеман, Г. Коммунальная политика социализма	1 40	Муйшель. Баба жизнь	3 50
Линдов, Г. Великая французская революция	15 —	Его-же. Старухина земля	2 20
Лилина, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е издание	2 10	Его-же. Старый Камора	2 —
Ее-же. Организуйте женщин	— 50	Его-же. Прохожий	4 —
Ее-же. Что дала революция народу	— 35	Его-же. Дача	4 —
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3 45	Его-же. Проклятие	3 —
Логинов. На страже. Стихотворения. Сатиры	1 80	Его-же. Дом на площади	3 30
Его-же. Накануне. Стихотворения	3 50	Наш рабочий праздник 1 мая	— 30
Лукин, Н. Церковь и государство	— 50	Немирович-Данченко. Вся чужая	2 75
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. К. Маркс и социальная революция. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 65	Его-же. Ранние огни	30 —
Луначарский, А. Комедия. 2-е издание	5 30	Его-же. Правда сказок	40 —
Его-же. Карл Маркс. К дню 100-летия со дня рождения	— 50	Его-же. Бодрые, смелые, сильные	40 —
Его-же. Королевский брадобрей. (Власть). Пьеса	3 —	Его-же. Вечная память	45 —
Его-же. Первый пророк и мученик революции Радисцев	1 20	Его-же. Ванкирский дом	—
Лурье, М. (Ю. Лерин). Суд над К. Либнехтом	— 45	Его-же. Их было пять	8 —
		Его-же. Свет—Свет—Свет	10 —
		Его-же. Хотели бежать	7 —
		Его-же. Волчий сын	7 —
		Его-же. В дудке	5 —
		Новорусский, М. Грибы	10 —
		Его-же. Приключения мальчика меньше пальчика	18 —
		Олар. Политическая история французской революции	24 —
		Памяти К. Маркса. Сборник статей. 2-е издание	4 50

Цена 8 руб.